

К 150-летию Великой реформы

© 2011 г. А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Переход от традиционного аграрного общества к индустриальному повсюду создает предпосылки социального конфликта. Социальная основа конфликта – трудность для традиционного сознания и социальных структур приспособиться к реальности глобализирующегося, коммерциализирующегося и индивидуализирующегося мира, а его разрешение состоит в модернизации общественных отношений. Современные дебаты о модернизации включают такие ее трактовки как консервативная, либеральная и даже (несмотря на негативный опыт XX в.) «социалистическая» модернизация. Различаются эндогенные и экзогенные варианты модернизации, она предстает в правовых и неправовых формах. Наиболее существенно, однако, различие двух типов модернизации с позиций когнитивно-информационного подхода: первый предполагает становление в обществе новой картины мира, основанной на ценностях секуляризации сознания, рационализма, открытого информационного обмена, открывающих путь научного социального конструирования; второй – путь ограниченных технологических инноваций, не затрагивающих изменение общественного сознания.

Эти 2 типа модернизации могут быть (и исторически часто являются) взаимосвязанными, однако между ними существуют принципиальные различия. Первый тип модернизации связан с процессами фундаментальной социальной и культурной трансформации – переходом от сословного общества к гражданскому и становлением демократических институтов и каналов социальной коммуникации. Второй – с установлением границ информационного обмена, мобилизационной моделью развития, выстраиванием новой социальной иерархии и направленным государственным регулированием. Диаметрально противоположны и усматриваемые цели модернизации (в одном случае радикальная перестройка общества, в другом – исключительно технологические заимствования и инновации) и ее движущие силы – общество, общественные и политические движения или бюрократия, элитные группы или индивиды. Наконец, принципиально различными могут оказаться и результаты модернизационных процессов – создание основ устойчивого экономического роста и социального развития или отказ от модернизации, ее срыв под влиянием накопившихся противоречий и поворот вспять к ретрадиционализации общества.

Наиболее четко конфликт модернизации проявляется в соотношении позитивного закона и представлений общества о справедливости: последняя выступает не только в виде установленных правовых норм, но также в виде апелляции к традиции или сконструированных идеологических утопий. Если конфликт социальной утопии и реальности достигает высокой степени, то цели модернизации рискуют оказаться под вопросом. Именно на стадии быстрых изменений происходит поляризация общества по отношению к ее ценностям: одни силы усматривают выход из конфликта в радикальном разрушении всей системы новых институтов, другие – в конструктивных преобразованиях и их адаптации к уровню общественного сознания. Искусство государственной политики в этих условиях состоит, следовательно, в том, чтобы нейтрализовать деструктивные процессы и, напротив, добиться позитивных целей модернизации с минимальными

---

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история».

социальными издержками¹. Это делает актуальным обращение к опыту (как позитивному, так и негативному) значимых социальных преобразований в истории страны. В этом контексте особенно велико значение Великой реформы императора Александра II, отменившего крепостное право Манифестом 19 февраля 1861 г., последовавших за ней либеральных преобразований, означавших формирование нового мышления – признание государством европейского выбора страны, основанного на ценностях гражданского общества и правового государства².

Великая реформа – успешный пример правовой модернизации традиционного общества

Критериями успешности преобразования могут быть признаны: 1) наличие цельной философской идеи реформы – идеала желаемого будущего; 2) достижение необходимого социального консенсуса, предполагающее правовое согласование противоречивых интересов основных социальных слоев; 3) радикальный характер изменений, исключающий возврат к дореформенным порядкам.

Рассмотрим, насколько эти критерии представлены в ходе Великих реформ. Во-первых, констатируем связь концепции реформ с идеологией социального развития, выработанной в странах Западной Европы и основанной на идеях эволюционизма, прогресса и умеренного либерализма. Концентрированное выражение они получили в философии права Г. Гегеля с его концепцией отношений гражданского общества и правового государства, оказавшей мощное воздействие на модернизационные процессы в Центральной, Южной и Восточной Европе, а также за ее пределами – в развивающихся странах мира от Османской империи до Японии. Данная концепция представляла четкую альтернативу философской доктрине Французской революции с ее идеями естественного равенства, метафизического общественного договора и спонтанного социального разрушения. Суть гегелевской политической теории заключалась в обосновании необходимости радикальной (но не революционной) модернизации общества, направляемой и последовательно осуществляемой государством во имя национального величия. Эти идеи находили воплощение в процессе объединения Германии О. Бисмарком, но одновременно актуализировали ценности европейского выбора – конституционализма, свободы совести, частной собственности, независимого и справедливого суда, административных реформ и самоуправления, т.е. всего того, что было выдвинуто авторами реформы, надолго утрачено в результате Октябрьского переворота 1917 г. и с огромным трудом возрождается теперь³. В русской политической мысли эти ценности были представлены в теории государственной (юридической) школы Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича, сформулировавших западническую философию российской истории, вывод о закреплении и раскрепощении сословий государством как механизме национального развития и апеллировавших к государственной власти – просвещенной бюрократии с целью проведения либеральных реформ по модернизации страны⁴. Новая картина мира и публично-правовая этика отразились в ценностях просвещения (демократизация и самоуправление университетов по уставу 1863 г.), открытости и европеизации (возобновление посылки молодых людей за границу), гражданского образования (прием в классические и реальные гимназии учащихся всех сословий, развитие женского образования). Об актуальности этих идей говорит тот факт, что они вновь стали основой системных реформ периода крушения коммунизма в конце XX в., определив обращение государственной власти к общечеловеческим (т.е. западным) ценностям, идее открытости общества (либерализации образования), радикальных преобразований сверху (перестройке) и доктрине прав и свобод человека (гласности), причем с сознательным использованием лексики и семантики Великих реформ.

Во-вторых, радикальная реформа отношений собственности (в отличие практически от всех последующих столь же масштабных изменений в этой области) была осуществлена без разрыва правовой преемственности, а принятая формула достиже-

ния социального компромисса включала правовое согласование противоречивых интересов основных социальных слоев. Согласно Манифесту 19 февраля и «Положениям о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», собственность помещиков на землю была сохранена, однако последние должны были предоставить крестьянам в пользование, во-первых, их усадьбы («усадебная оседлость») и, во-вторых, полевой надел. Полевой надел (размер которого варьировался по регионам, но в целом вызвал бы зависть современного крестьянина), затем, выкупался у помещика крестьянами, получавшими статус «временно обязанных»⁵. Основные положения условий реформы были также распространены на удельных (бывших дворцовых) и на государственных крестьян. Поскольку у крестьян, только что вышедших из крепостной зависимости, не было средств для осуществления выкупной операции, государство приняло на себя данный огромный расход: крестьяне получали кредит для уплаты своего выкупа за землю – заем у государства в рассрочку на 49,5 лет. После выкупа они обретали статус «крестьян-собственников». 26 декабря 1881 г. во всех внутренних губерниях был проведен обязательный выкуп. Это означало, что с 1 января 1883 г. обязательные отношения крестьян к помещикам прекращались. Создавалось единое сословие крестьян-собственников, однородное по своему правовому положению. Земля, отведенная в надел крестьянам, следовательно, превратилась в их собственность при помощи государства, предоставившего средства для выкупа. Институт выкупных платежей крестьян государству был формально отменен в 1907 г. Компромиссный характер реформы требовал введения особых институтов для достижения согласия между крестьянами и помещиками о ее условиях, прежде всего о размере надела (в рамках высшей или нижней нормы для региона). Это соглашение фиксировалось в особом правовом документе – Уставной грамоте, которая должна была быть составлена в течение года со дня начала реформы. Для разбора споров и разногласий, которые могли возникнуть, устанавливалась должность мировых посредников, избираемых из местного дворянства. Мировые посредники утверждали Уставные грамоты. Спорные дела докладывались съезду мировых посредников уезда. Руководство крестьянской реформой на местах осуществляли специальные учреждения – Губернские по крестьянским делам присутствия⁶.

В-третьих, не вызывает сомнений радикальный и необратимый характер преобразования правовых отношений традиционного российского общества, прежде всего крестьянства и дворян. Согласно Манифесту об отмене крепостного права, крепостные крестьяне получали личную свободу без всякого выкупа, что в корне расходилось с представлениями консервативной части правящего класса. Это была настоящая «революция сверху», т.е. радикальное изменение государством освященного традицией системообразующего принципа, каким являлось крепостное право. В этом смысле реформа вполне соответствует российской практике «революций сверху», другими выдающимися примерами которых служат реформы Петра Великого начала XVIII в., сталинская коллективизация 30-х гг. XX в. и перестройка М.С. Горбачева конца XX в. Вопреки прогнозам К. Маркса и Н.Г. Чернышевского, реформа не привела к острому социальному конфликту, подобному гражданской войне в США. Сходство ситуаций в двух странах действительно имеет общие параметры. Существо дилеммы состояло в разведении понятия личной власти в рамках отношений господства и подчинения, с одной стороны, и имущественных отношений в рамках, равных для всех прав собственности, с другой. В обоих случаях решалась фундаментальная проблема: должна ли собственность интерпретироваться как власть или как распоряжение имуществом (исторически разделительная линия между личностью и собственностью была крайне размыта). Решение российских реформаторов оказалось сопоставимо с логикой Верховного суда США: при решении конкретных дел он дал оригинальное истолкование 14-й поправки к Конституции США (ратифицированной по итогам гражданской войны в 1868 г.), согласно которому традиционные юридические понятия свободы и собственности приобрели смысл, диаметрально противоположный тому, который существовал ранее и восходил к английскому средневековому праву: исходя из общего права, по-

нятие собственности (property) означает физические объекты, будь то скот или земли, которые удерживаются в распоряжении одного гражданина для его собственного пользования против других граждан, а понятие свободы (liberty) означает освобождение (freedom) от рабства, применяемого против других людей⁷. Наконец, в обоих случаях, как в США, так и в России, это было толкование закона, имеющее значение не только для будущего, но и для прошедшего (ретроактивное толкование), поскольку оно модифицировало смысл ключевых понятий, условий и ожиданий всех договоров, на которых основывалась деятельность населения и законодательной власти.

Причины того, почему реформа в России не привела к гражданской войне, усматриваются в следующем: крепостное право не было тождественно рабству (крестьяне после реформы сохранили пользование землей, их положение было, несомненно, лучше, чем американских рабов); отношения собственности и прав на нее не были столь четко артикулированы в системе общественных ценностей; контроль государства над населением в России был значительно более интенсивным, чем в США (в частности, за счет сохранения в пореформенный период традиционных институтов общинного и волостного управления и судопроизводства, выполнявших важные хозяйственно-административные и судебные функции, ранее принадлежавшие помещикам)⁸, наконец, реформа включала механизм балансирования интересов сторон – основных участников конфликта.

Общество и государство в период реформы: система обратных связей

К числу важнейших условий успеха реформ принадлежит ряд институциональных факторов: 1) продуманная система институтов, позволяющих установить и развивать систему обратных связей общества и государства как в момент проведения реформы, так и в последующий период; 2) создание институтов и инструментов разрешения конфликтов правовым путем; 3) наличие единого «штаба реформ», т.е. центра, способного анализировать поступающую информацию и быстро принимать решения в режиме оперативного реагирования на изменяющуюся ситуацию, четкое представление реформаторов о стадиях осуществления реформ и конкретных результатах на каждой из них, в частности существование политической воли, т.е. осознанного и целенаправленного стремления осуществить реформу, несмотря на неизбежные многочисленные трудности и сопротивление.

Концепция реформ включала создание системы институтов обеспечения обратных связей общества и государства. Последующими реформами закладывались основы гражданского общества и правового государства, причем общий вектор состоял в унификации гражданских прав и расширении общественного представительства в институтах самоуправления. Земская реформа, правовые основы которой сформулированы в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» (от 1 января 1864 г.), способствовала привлечению населения к управлению и закладывала институциональную основу преодоления сословной замкнутости – каналы вертикальной социальной мобильности⁹. Впервые создавалась система выборных всесословных учреждений, выборы гласных в которые осуществлялись на цензовой основе не только от землевладельцев, торговцев и промышленников, но также от сельских обществ. В результате была создана (первоначально в 34 губерниях) система уездных и губернских земских собраний, формировавших земские управы соответствующего уровня. Активная деятельность земства в хозяйственной сфере, строительстве, школьном образовании, страховании и медицинской помощи способствовала кооперации социальных слоев, формированию новой гражданской этики¹⁰. Эти принципы были распространены на городское самоуправление. Несмотря на то что в нем (согласно Городовому положению 1870 г.) сохранялись элементы сословных отношений, деление граждан на купечество (гильдии) и ремесленников (цехи), вводился принцип выборности гласных в городские думы, формировавшие (наподобие уездных земств) городские управы в качестве исполнительных органов по ведению хозяйственной деятельности. Хотя деятельность

институтов земского и городского самоуправления контролировалась исполнительной властью (губернаторами и МВД), в конфликтных ситуациях предусматривалась возможность обжалования действий администрации в Сенат¹¹.

Переход от сословных судов, созданных еще законодательством Екатерины II в 1775 г., к суду бессословному, равному для всех подданных, стал ключевым результатом Судебной реформы 1864 г., действительно обеспечивавшей «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных». Несмотря на то что правовой дуализм не был преодолен полностью (крестьяне получили особые волостные суды для решения дел, возникающих в их сословной среде), реформа качественно переломила ситуацию в пользу принципов правового государства¹². Смысл Судебных уставов 1864 г. состоял в установлении независимости и несменяемости судей; отделении судов всех трех инстанций – мировых, окружных и судебной палаты – от администрации; проведении демократических основ судопроизводства – его открытость и гласность, состязательный характер – рассмотрение аргументов обвинения (прокурора) и защиты (адвоката), вынесение вердикта присяжными и установление судебного приговора¹³. Актуальность и непреходящее значение этих принципов демонстрируется тем, что они были положены в основу постсоветской судебной реформы и отражены в действующей конституции страны. Уравнивание сословий перед законом и государством стало смыслом военной реформы, осуществленной Д.А. Милютиным: воинская повинность была распространена на все сословия (устав о воинской повинности 1874 г.), причем принципы судебной реформы были положены в основу деятельности военных судов (военно-судебный устав 1867 г.). В концептуальной форме новая социальная практика выразилась в идее земского либерализма о «мелкой бессословной единице» как ячейке формирующегося гражданского общества и основе перехода от монархии к представительному образу правления¹⁴.

Был сформирован настоящий «штаб реформ». Важнейшим институциональным элементом в проведении правительственного курса преобразований стало создание и функционирование в 1859–1860 гг. Редакционных комиссий, основной целью которых провозглашалось создание законодательного акта принципиальной важности и общероссийского положения о крестьянах. Обеспечение либерального большинства в комиссиях приобретало особое значение из-за расстановки сил в губернских комитетах, а также в дворянстве и бюрократии в целом, в центральном и местном аппарате управления, где либералы составляли меньшинство¹⁵. Принципиальной особенностью Редакционных комиссий явилось то, что этот институт сочетал в себе принципы действия административно-бюрократического и представительного учреждений. Эта особенность хорошо проявляется в истории создания Редакционных комиссий, которых первоначально было две (для составления общих и местных положений), а затем они были слиты. Если в первой комиссии преобладало бюрократическое начало, а во второй – экспертное, то в едином учреждении они дополняли друг друга. Борьба мнений в Редакционных комиссиях, члены которых назначались председателем Я.И. Ростовцевым по совету с царем, отражала палитру настроений в обществе. Подчиняясь через председателя непосредственно царю, Редакционные комиссии были совершенно независимы в своей деятельности от других высших учреждений, получив особый статус временного законосовещательного органа правительства¹⁶. По характеру работы и ее значению данное учреждение оказалось беспрецедентным в истории страны, создав модель последующих институтов правительственного конституционализма.

В ходе реформы удалось сохранить единство политической воли на всем протяжении реформ. В исследованиях школы П.А. Зайончковского акцент сделан на вопрос о том, как данная реформа вообще стала возможна в рамках бюрократического аппарата, сформировавшегося в период консервативного правления Николая I. В центре внимания – проблема соотношения дворянства и бюрократии, противоречия между ними. Борьба консервативной бюрократии и сторонников реформ – ключевая проблема, решение которой определяет, в конечном счете, вектор реформ. Государству, исходя из этого, отводится роль инициатора реформы, а также главной силы, определившей ход

ее проведения на разных этапах. Для создания общественного настроения в пользу реформы царь обратился с открытым посланием к одному из губернаторов, благодаря твердое дворянство за проявленную инициативу. Так, рескрипт Назимову предстает шагом, которым государство начало реформу, сделав этот процесс необратимым. Анализируя соотношение сил на каждом этапе проведения реформы 1861 г., современная историография интерпретирует ее как исторически обусловленный компромисс между различными социальными слоями, прежде всего внутри самого правящего класса. Государство выступает как решающий фактор в процессе социальных изменений¹⁷.

Наконец, успешное осуществление социальных реформ позволяло поставить вопрос о следующем этапе политической модернизации – переходе от абсолютизма к правовому государству. Данный вектор не обязательно означал немедленный переход к парламентской монархии. Он вполне мог быть реализован в рамках авторитарной модернизации – путем создания ограниченной монархии германского образца, представлявшей собой вариант мнимого конституционализма. Россия в этом отношении не была отлична от Германии, Австро-Венгрии, Японии или даже Турции, где движение в направлении представительного правления имело место как раз в рассматриваемый период. Этим духом проникнуты известные проекты реформ П.А. Валуева, великого князя Константина Николаевича и М.Т. Лорис-Меликова, которые, хотя и не являлись конституционными проектами в современном смысле слова, были вполне адекватны ситуации авторитарной модернизации – создания ограниченных форм корпоративного общественного представительства (своеобразной «общественной палаты») для обсуждения стратегии модернизации¹⁸. Впоследствии это могло обеспечить более плавный и устойчивый переход к дуалистической монархии.

В целом Великая реформа – пример успешной модернизации традиционного общества государственной властью, радикальной реформы, осуществленной по плану, в соответствии с первоначальным замыслом и установленными сроками, а главное (что совершенно нетипично для России) – с сохранением социального консенсуса и правовой преемственности.

Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в России

Понятие «аграрный вопрос» есть теоретическая конструкция, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Различные подходы не одинаково интерпретировали смысл «аграрного вопроса»¹⁹. В советской историографии содержание аграрного вопроса в широком смысле усматривалось в классовом конфликте по поводу земельной собственности и связанной с этим социальной борьбе²⁰. В узком смысле оно сводилось к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Соответственно решение аграрного вопроса виделось в революции – экспроприации земельной собственности с последующим ее переделом или национализацией. В настоящее время наметился отход от этой жесткой позиции, однако поиск новых подходов ведется, как правило, с использованием привычных категорий политической экономии и классовой теории²¹. Даже последовательные противники традиционных подходов полемизируют с ними в основном с позиций концепции экономического детерминизма. В этом отношении показательна публикуемая в данном номере журнала дискуссия о соотношении благосостояния и революций в истории России.

Возможна, однако, другая интерпретации аграрного вопроса, выдвинутая нами – как осознания обществом легитимности прав на владение землей. Там, где осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов (независимо от реальной ситуации в экономике страны), аграрный вопрос существует. Там, где такое осознание отсутствует в широком массовом сознании (а не только в представлениях мыслителей), его, во всяком случае, как социального феномена, нет, даже при наличии экономически неэффективной и политически необоснованной правовой системы земельной собственности²². Возможным становится объяснить и другие важные проти-

воречия, с которыми столкнулась предшествующая историография: почему аграрный вопрос не возникал в древности, но проявился в Новое время? Почему одна и та же программа его решения на одном этапе исторического развития отвергается, казалось бы, навсегда, на другом вновь становится востребованной и находит практическую реализацию? Почему использование одной и той же программы дает неодинаковый результат в разных странах при сходстве их аграрных институтов или, наоборот, почему один и тот же результат возникает независимо от различия исходных условий? Наконец, почему одни страны были ввергнуты в пучину аграрной революции, а другие решили эту проблему путем реформ? Центральной проблемой при такой постановке вопроса оказывается легитимность форм землевладения и землепользования. Легитимность (или нелегитимность) собственности определяется тремя измерениями – порядком ее распределения в обществе, способами ее приобретения в прошлом и средствами ее защиты в настоящем.

Одно из этих измерений – представления общества о справедливом или несправедливом порядке распределения собственности – определяется во многом статусом права собственности в общественном сознании. Вопрос о том, является ли право собственности фундаментальным и естественным правом (наряду с высшими ценностями демократического общества и другими основными конституционными правами как жизнь, свобода и личная безопасность) или, напротив, приобретенным правом, заслуживающим меньшей правовой защиты – остается предметом острой дискуссии в современной правовой литературе (например, в связи с принятием демократической конституции Южно-Африканской республики 1996 г.). Ключевая проблема была обозначена Дж. Ролзом в его теории справедливости²³ – как совместить свободу и равенство стартовых условий при распределении земельных ресурсов и до какой степени государство вправе вмешиваться в эти процессы? В проектах, разрабатывавшихся в ходе реформы 1861 г., представлены 3 основных концепции.

1. Личное освобождение крестьян без земли – предоставление крепостным личной свободы с одновременным лишением их прав собственности на землю. В свою очередь реализация данной модели аграрной реформы могла производиться в более жесткой и мягкой форме – одновременно или быть растянутой во времени (крестьяне сохраняли возможность пользоваться землей за определенные повинности с последующим превращением в наемных рабочих). Данный вариант, опиравшийся на опыт Англии, являлся наиболее рациональным с экономической точки зрения (быстрое экономическое расслоение крестьян и вовлечение земли в коммерческий оборот), однако был отвергнут по политическим причинам (он влек острые социальные конфликты и появление классического пролетариата).

2. Освобождение крестьян с параллельной организацией их перемещения на новые государственные земли за счет государства: крестьяне получали возможность стать собственниками земли, однако ценой перемещения из центральных районов на окраины. Данный вариант, приемлемый с экономической точки зрения и способный, в частности, решить потенциальную проблему аграрного перенаселения, актуализировался в период столыпинских реформ, но был отвергнут в 1861 г. с финансовой и административно-полицейской точек зрения.

3. Освобождение крестьян с землей, включая помещичьи земли, с предоставлением владельцам равноценного возмещения. Это была та наиболее рациональная формула решения аграрного вопроса, которая впоследствии легла в основу многочисленных реформ в развивающихся странах (Индия, Япония, некоторые страны Латинской Америки). В России ее отстаивала в своей программе Конституционно-демократическая партия, выдвигавшая идею перераспределения земельных ресурсов с гарантией имущественных прав землевладельцев (проект Конституционно-демократической партии)²⁴. В данной неолиберальной модели прослеживается выработка формулы социальных функций права и социального государства с целью конституционного решения аграрного вопроса²⁵. Теоретически данная формула способна найти правовой компромисс противоположных интересов социальных слоев традиционного общества – крестьян

и помещиков при посредничестве государственной власти. Проблема этого решения, однако, заключалась в том, что считать «равноценным возмещением» стоимости земли прежним владельцам – стоимость земли на момент осуществления реформы, рыночную стоимость земли после ее включения в полноценный коммерческий оборот или, наконец, цену земли, назначаемую самим государством. Таким образом, конфликт по вопросу распределения земли трансформируется в конфликт по вопросу о ее стоимости. В результате Редакционные комиссии вынуждены были отвергнуть и это решение, признанное нереализуемым единовременно с финансовой точки зрения (отсутствие средств у государства для выплаты помещикам компенсации по рыночной цене земли).

Общим результатом дебатов в 1861 г. стала компромиссная формула – освобождение крестьян с землей, осуществляемое, однако, не в виде единовременного акта, но процесса, растянутого во времени. Данный компромисс потребовал и другой важной уступки традиционализму – сохранения крестьянской общины, представлявшей собой фискально-административный институт, исторически являвшийся основным инструментом контроля государства над крестьянским населением. Сохранение общины, следовательно, не результат ошибки реформаторов (как думают некоторые современные критики реформы), но вынужденная мера, вытекающая из принятой концепции решения крестьянского вопроса. Формула освобождения с землей как компромисс принципов свободы и равенства в переходный период приобрела официальный характер фактически до начала дискуссии: объем реформы фиксировался уже в рескриптах и утвержденном царем журнале Главного комитета от 4 декабря 1858 г., где предусматривались направления решения по стратегическим вопросам: от упразднения личного крепостного права и отношений собственности на землю до устройства самостоятельного мирского управления в крестьянских обществах, предоставления им средств для приобретения в собственность (с согласия владельцев) отведенной в надел земли²⁶.

Дилемма реформаторов: правовой дуализм и пути его преодоления

Другое измерение легитимности – применяемые способы защиты земельной собственности, связанные в свою очередь с трактовкой ее исторического возникновения. Основу правовой реальности современного мира составляют 2 понятия – собственность и договор. Социальная реальность, выражаемая этими понятиями, рассматривается в либеральной правовой теории как находящаяся вне сферы вмешательства государства, однако защита со стороны последнего необходима для их существования. В развитом гражданском обществе данные правовые институты составляют часть, причем наиболее важную, царства частного права, в которое государство вмешиваться не должно, по крайней мере, без веских на то причин²⁷. Но как быть в традиционном аграрном обществе, где гражданско-правовые институты не укоренились, понятие собственности по большей части лишено правового смысла, а модернизация требует целенаправленного административного вмешательства и правового регулирования? В результате реформы 1861 г. крестьяне не только становились лично свободными, но и получали статус крестьян-собственников, имевших существенные земельные ресурсы для ведения хозяйства. Проблема, однако, заключалась в противоречии этого правового статуса фактическому положению дел, определяемому понятием правового дуализма.

В России, начиная с Петра Великого и особенно после либеральных реформ 1860-х гг., возник и сохранялся до революции 1917 г. феномен правового дуализма: он состоял в параллельном существовании двух правовых систем. С одной стороны – вполне рациональной системы позитивных правовых норм, которые были в значительной мере заимствованы из европейских кодексов, прежде всего Кодекса Наполеона, а позднее также Германского гражданского уложения, вполне соответствовали представлениям о гражданском обществе и частной собственности, с другой – особой сферы неписаного крестьянского права (охватывавшего подавляющую часть населения страны) с его архаичными аграрными представлениями о справедливости, приоритете коллек-

тивного начала над личным, отрицанием индивидуальной собственности. Если первая правовая система отражала западные представления и насаждалась государством в интересах модернизации страны, то вторая в общем соответствовала традиционным порядкам крестьянской общины с ее неподвижностью, коллективизмом и уравнительно-распределительными принципами трудовой этики, радикально отторгавшими принципы рыночной экономики и индивидуального вклада.

Правовой дуализм связан с нерешенностью проблемы исторического обоснования прав собственности на землю – вопросом о времени (исторической давности) и характере (правовом или неправовом) ее приобретения различными социальными группами. Незыблемость права собственности на землю основана обычно на исторической давности ее приобретения – укорененном в сознании представлении о том, что человек впервые поселился на ней. В условиях аграрных конфликтов этот мотив приобретает особенно сильное звучание. Поскольку крепостное право являлось древним институтом, происхождение которого не имело зафиксированного юридического характера (о чем свидетельствовали споры об указном и безуказном закрепощении), это открывало возможность диаметрально противоположных юридических формул его интерпретации. В полемике с В.И. Сергеевичем, отстаивавшим указанную теорию, В.О. Ключевский при объяснении возникновения крепостного права исходил не из публичного, а из частного права, полагая, что крепостные правовые отношения возникли не путем государственного принуждения (или не главным образом через него), а путем договорных сделок между владельцами земли – помещиком и крестьянами. Отсюда он делал вывод, что «крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства: последнему принадлежали не основания права, а его границы»²⁸. Отмена крепостного права также не является делом исключительно государства, оно лишь отвечает назревшим потребностям социального развития. Обращение ко второй формуле становилось юридической основой либеральных реформ: освобождения крестьян с землей, установления их права на нее путем компромисса с аналогичным правом помещика (уставные грамоты), наконец, перехода к практической реализации реформы.

В этом контексте информативен поиск русской правовой мыслью XVIII – первой половины XIX в. оптимальной формулы решения крестьянского вопроса – изменения той исходной конструкции соединения земли и власти в рамках крепостного права, которая составляла сердцевину служилого государства вплоть до начала его реформирования. Направления этого реформирования представлялись были впервые вполне определенно проектами Уложенных комиссий XVIII в., в частности выдвинутым полярных концепций решения крестьянского вопроса в Екатерининской Уложенной комиссии 1767 г.²⁹ Другая теоретическая конструкция связана с проектами введения наследственной аренды на землю для крестьян (А.Я. Поленова)³⁰, которая определила контуры последующих реформационных инициатив (М.М. Сперанского и Н.С. Мордвинова)³¹ и далее – движение вплоть до реформы государственных крестьян П.Д. Киселева³². Ее появление ознаменовало поиск выхода из жесткой формулы регулярного петровского государства, связывавшей 2 основных сословия крестьян и дворян между собой во имя выполнения служебной функции государству. В этой логике не случайно появление идеи постепенного освобождения крепостных с сохранением традиционных форм землевладения – наделения крестьян землей с сохранением длительного переходного периода и традиционных общинных институтов. В проектах кануна реформы 1861 г. представлены с этих позиций пути освобождения крестьян, оказавшие реальное влияние на ход и результаты крестьянской реформы³³. Это проекты либеральных сторонников реформы, прежде всего проект К.Д. Кавелина и его реализация в ходе Крестьянской реформы³⁴, проекты дворянских комитетов, история их рассмотрения в Редакционных комиссиях³⁵. В ходе реформы принципиальное значение получила дискуссия об историческом содержании крепостного права кануна его отмены: означает ли оно крепость крестьянина помещику (в этом случае оно становилось тождественно пониманию рабства в римском праве) или крепость крестьянина земле (в этом случае

крестьянин выступал теоретически как свободный человек, имевший право на землю). Второй вариант ответа был положен в основу рабочей концепции реформаторов. Разведение юридических понятий «рабства» и «крепостничества» (при их фактической близости для ряда эпох европейской и российской истории) в принципе выступает как инструмент легитимации эмансипации крестьянства в разных странах вплоть до современности (данная аргументация присутствует в сочинениях американских аболиционистов, дебатах аграрных реформ послевоенной Японии, Индии, ЮАР, стран Латинской Америки)³⁶. Во всех случаях подобных преобразований решающим фактором инициирования реформ становились не экономические аргументы (в ряде случаев сохранение форм зависимости сохраняло на момент начала изменений определенную хозяйственную рациональность) и не демографические (поскольку численность крепостного населения могла уменьшаться эволюционным путем³⁷), а именно моральные и философско-правовые аргументы.

Ситуация правового дуализма в пореформенной России получила различные интерпретации: одни исследователи полагали, что она отражает существование двух полноценных и конкурентоспособных правовых систем; другие, что эти 2 системы неравноценны, и следует говорить скорее о соотношении двух видов права (писаного и обычного); третьи – что имеет место противоречие позитивного права и факта³⁸. Исходя из этого выдвигались 3 концепции разрешения вопроса – революционно-популистская, демагогически противопоставлявшая право сельской общины как более «справедливое» «несправедливому» государственному праву (различные аграрно-коммунистические доктрины); формально-юридическая, усматривавшая преодоление дуализма в распространении сферы действия гражданского права на обычное крестьянское право (проект Гражданского уложения Российской империи)³⁹ и практически-государственная, усматривавшая решение вопроса в преобразовании фактических отношений в соответствии с позитивным правом. Данная позиция получила теоретическое обоснование в концепции аграрной реформы гр. С.Ю. Витте. Согласно его точке зрения, сохранение уравнительного общинного землепользования и системы обычного крестьянского права отнюдь не вытекает из Положений 1861 г. и противоречит духу решений Редакционных комиссий⁴⁰. Готовя освобождение крестьян, они исходили из принципа распространения на них всей системы гражданского права (отраженной в первой части X тома Свода законов), но допускали изъятия из общегражданских прав для определенных категорий крестьян или категорий прав (в области семейного или наследственного права крестьян), предоставляя крестьянам руководствоваться своими обычаями лишь в качестве дополнительного источника права. В дальнейшем, однако, в результате принятия новой юридической доктрины, происходила подмена этой аутентичной интерпретации крестьянских обычаев как вспомогательного источника права его интерпретацией как едва ли не единственного, в силу чего оно получило чрезвычайно расширительную трактовку.

Эта теоретическая позиция была положена фактически в основу аграрной реформы П.А. Столыпина (Указ 9 ноября 1906 г.), суть которой состояла в ликвидации правового дуализма, т.е. приведении нормы и факта в соответствие друг с другом, распространении действующего гражданского права на все население страны, предоставлении крестьянам права беспрепятственного выхода из общины со всеми ее ограничениями, поощрении государством индивидуальной трудовой деятельности⁴¹. Легитимированная как продолжение принципов 1861 г., Столыпинская аграрная реформа отстаивала институт частной собственности на землю, причем делала это даже более последовательно, чем либеральные партии⁴². Однако в условиях сохранения помещичьей и государственной собственности на землю данная реформа фиксировала исторически сложившийся порядок распределения земли: не ставила (подобно ряду проектов 1861 г. и проектов кадетской партии) вопроса об отчуждении земли аристократии за равноценную компенсацию имущественных прав, а следовательно, сталкивалась с сохранением дилеммы эффективного разрешения проблемы справедливости в традиционном

обществе, конфликта двух фундаментальных прав – свободы и равенства – в условиях ускоренной модернизации.

Данная социальная реальность совершенно по иному (чем ранее, до появления «аграрного вопроса» как социального феномена) ставит проблему легитимности государства в обеспечении и трансформации отношений поземельной собственности. Либеральный принцип защиты прав собственника, с одной стороны, и необходимость жесткого (и подчас граничащего с правовым волюнтаризмом) регулирования отношений собственности в условиях социальных преобразований (аграрных реформ), с другой – центральное противоречие, с которым столкнулось демократическое общество в начале XX в.

Социальный конфликт трансформации аграрного общества: реформа и революция в сравнительной перспективе

Один из выдающихся предрассудков, доставшихся постсоветскому обществу в наследие от марксистской историографии, заключается в представлении о предпочтительности революций социальным реформам как способу решения конфликта модернизации. Этот предрассудок основан на убеждении в том, что революции, совершаемые «народными массами», оказываются более последовательными в разрешении аграрного вопроса, нежели реформы, осуществляемые государством (т.е. направляющими его действия «господствующими классами») в своих собственных интересах. Однако реальный вклад революций и реформ в модернизацию традиционного общества не подтверждает этот вывод или, во всяком случае, заставляет усомниться в его аксиоматичности. Основу крупнейших социальных потрясений Нового и Новейшего времени составляет, как показано выше, разрыв легитимности и законности – представлений о справедливости и позитивного права. Данный конфликт не существовал в древности, но стал выражением эпохи Нового и Новейшего времени, когда возникла поляризация общества в отношении модернизации традиционных социальных институтов – феномена «новизны», а также способов реагировать на нее. Один из этих способов представляет собой радикальный, но деструктивный протест в виде социальной революции. Под «социальной революцией», исходя из этого, следует понимать быструю и основательную трансформацию государства и социальной структуры, сопровождающуюся или частично осуществляемую путем разрыва правовой преемственности – классового восстания снизу, связанного с массированным применением насилия.

В современной науке широко используется понятие аграрной революции, взятое из лексики французской и русской революций, интерпретация которого, однако, далека от единства. Современная теория аграрных революций Нового времени объясняет их исходя из общего кризиса традиционных аграрных обществ в условиях модернизации. Постановка проблемы в историографии (Б. Мур) различала 3 основных типа перехода к современному (индустриальному) обществу – буржуазные революции, высшим выражением которых стала западная форма демократии (Англия, Франция, США), «консервативная революция сверху», завершившаяся фашизмом (Германия, Италия, Япония) и крестьянские революции, ведущие к коммунистическому эксперименту (Россия, Китай). Исключение составляет Индия, которая до настоящего времени избежала этого выбора. Методы модернизации, избранные в одной группе стран, изменяют постановку проблемы в других странах, которые получают определенную возможность выбора – реализуя «преимущество отсталости»⁴³. Революционная модель получает обоснование в теориях правового нигилизма и волюнтаризма, а ее инструментом становится политический радикализм. Реформационная модель, в основе которой лежит либеральная концепция преобразований, напротив, отстаивает путь правовой преемственности, рациональных изменений, осуществляемых государством на основе достижения и поддержания социального компромисса. Предпосылки для столкновения этих двух моделей общественного развития были представлены в России XIX – начала XX в.

Революция, как показывает исторический опыт, не является конструктивным решением проблем, но, скорее, означает срыв модернизации, выражающийся в отказе от самого поиска рационального решения. Спонтанная аграрная революция (как антитеза рациональной аграрной реформе) повсюду в мире выступала фактором ретрадиционализации общества – восстановления архаичных институтов и представлений (например, советов), становившихся тормозом устойчивого и разумного процесса социальных преобразований. Это цивилизационная ловушка, способная поглотить достижения предшествующего позитивного развития. Во всех случаях избрания стратегии аграрной революции это означало срыв конструктивной работы по преобразованию общества, который объяснялся как трудностями реформ, так и консерватизмом правящего класса. Уже за революцией 1905–1907 гг. в России следовали революции в Турции (1908 г.), конституционная революция в Иране (1908–1911 гг.), Мексике (1910–1925 гг.) и Китае (начиная с 1911 г.). К ним относятся также крестьянские восстания в британской Индии (1905–1908 гг.), исламское движение в Индонезии (1909 г.). Русская революция 1905–1907 гг. и затем 1917 г., как ранее Французская, оказала влияние, как непосредственное, так и опосредованное, на все крупные социальные конфликты развивающихся стран. В литературе о крестьянских войнах XX в. проведено сравнение крестьянских революций в России, Мексике, Китае, Алжире и Вьетнаме XX в. В Новейшее время данная модель разрешения конфликта аграрного общества и порожденного ею политического устройства была реализована (хотя и в различной степени) в таких модернизирующихся странах как Мексика, Балканы, Вьетнам, Куба, Боливия, Алжир, Мозамбик, Эфиопия, ведя повсеместно к созданию авторитарных однопартийных режимов⁴⁴. В России (как и в других странах этого типа) революционная модель решения аграрного вопроса нашла выражение в идее (унаследованной от якобинских и коммунистических идей Французской революции) уравнительного распределения государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой (проекты партии социалистов-революционеров и их реализация в законодательстве постреволюционного периода)⁴⁵. Она выражает революционный коллапс системы позитивного права российского Старого порядка и стремление решить проблему в соответствии с доминирующими утопическими представлениями крестьянства. Причина утопизма – невозможность реализации и последующего поддержания фактического равенства в распределении земли. Неосуществимость данного решения на практике ведет к появлению другого решения – экспорта аграрной революции (проект Коминтерна), который есть ни что иное, как попытка компенсировать отсутствие позитивной стратегии преобразования аграрных отношений распространением их экстенсивной формы на другие страны⁴⁶. Наконец, провал и этого способа, приводит к тупику коллективизации – установлению фактической государственной собственности на землю (в рамках концепции так называемой социалистической национализации), т.е. осуществленному большевиками восстановлению доиндустриальных форм экономической эксплуатации крестьян государством, основанных исключительно на насилии.

Другой способ – осуществление реформ, направленных на модернизацию традиционного общества. Под реформой следует понимать радикальные изменения аграрного строя, осуществляемые государством правовым путем (с сохранением правовой преемственности) сверху (без уничтожения традиционного правящего класса). Этот путь открывает возможность позитивных изменений, причем включает различные технологии их осуществления. Модернизация может быть более и менее радикальной, осуществляться в правовых и почти неправовых формах, иметь различные внешние проявления. Возможно, например, такое явление как модернизация, осуществляемая в виде «революций сверху» – отказа от всех основных стереотипов традиционной культуры (модернизация Петра Великого в России, Мустафы Кемала в Турции) или, напротив, в консервативных формах (как, например, в некоторых исламских странах), что важно для принятия ее итогов традиционалистски мыслящим населением. Особая модель политического устройства модернизирующихся государств представлена в тех странах, где социально-политический конфликт традиционных аграрных обществ был выражен

не столь отчетливо и получил другую форму разрешения – путем «революций сверху» или радикальных экономических реформ, осуществляемых самим государством.

Важнейшими критериями, разделяющими революцию и реформу, являются в связи с этим отношение к праву (институту собственности на землю) и судьба правящего класса – в первом случае происходит его разрушение, во втором он сохраняет свои позиции. Важнейшими предпосылками успешной революции сверху являются слабость (в идеале даже отсутствие) привилегированного класса землевладельцев, играющего доминирующую роль в политической системе, относительная автономность государственного аппарата, независимое и достаточно самостоятельное положение бюрократии в госаппарате. Примером реализации подобной стратегии служат аграрные реформы в Пруссии, революция Мейдзи в Японии, преобразования Кемал Ататюрка в Турции. Примерами осуществления данной стратегии «революций сверху» признаются некоторые военные диктатуры Новейшего времени (Египта и Перу)⁴⁷. Принципиальным примером и исторически первым вариантом радикальной аграрной реформы такого масштаба является, несомненно, Великая реформа Александра II 1861 г. Это был, по словам Ключевского «исторически последовательный ответ на величайший и труднейший вопрос нашей истории, подготовленный веками и чрезвычайно запутанный неблагоприятными обстоятельствами нашей жизни»⁴⁸.

В отличие от революционной модели, трансформация и модернизация общества в этом случае была достигнута не за счет массовой мобилизации (как в ходе Французской или Русской революций), а за счет вмешательства государства (бюрократии) в регулирование отношений собственности, манипуляции элитными группами и эффективной управленческой деятельности.

Срыв модернизации как аналитическая проблема: причины несостоятельности парадигмы экономического детерминизма

Приближаясь к столетию революции 1917 г., мы вынуждены констатировать отсутствие полноценной ее концепции, разделяемой большинством научного сообщества и актуальность обращения к этой теме на страницах журнала⁴⁹. Если модернизационные реформы в России были движением в правильном направлении, то в чем причина революции? Для предшествующей историографии вопрос был очевиден – в нерешенности аграрного вопроса, ограниченности реформаторского потенциала бюрократии, связанной с этим экономической деградации общества и социальной (классовой) поляризации. Схематично данная концепция выражалась в следующих тезисах: реформа 1861 г. породила аграрный вопрос, он в свою очередь – революцию 1905–1907 гг., а та стала репетицией революции 1917 г. Демонстрируя историческую преемственность событий, данный подход выявляет скорее «нищету историцизма»: он исходит из того, что последующие события детерминируются предыдущими, свобода воли как возможность выбора различных вариантов отсутствует, а причина и следствие – механически совпадают (реформы породили аграрный вопрос, а не наоборот, аграрный вопрос – реформу). Продолжая эту логику далее (чего избегала советская историография), нужно признать, что 1917 г. породил 1929 и 1937, а последний, возможно, 1991 г. Восстанавливая ретроспективно цепочку исторических событий в стиле «дурной бесконечности» можно таким образом вывести коммунистическое правление из татаро-монгольского ига или византийского наследия (что и пытаются делать совершенно серьезно некоторые современные авторы почвеннического направления). Однако подобный фаталистический и телеологический подход к истории является скорее уделом теологии и метафизики и едва ли отвечает логике современного научного познания. Во всяком случае, вывод о предопределенности срыва той модели модернизации, которая была создана реформой 1861 г. и последующими либеральными преобразованиями, нуждается в дополнительной проверке и критическом анализе, особенно с учетом его идеологического подтекста (представления о неизбежности и закономерности большевистской революции)⁵⁰.

Основательность этого объяснения справедливо ставится под вопрос в современной историографии. Прежде всего, как мы видели, проблема аграрного вопроса шире его экономической составляющей и включает серьезный социально-психологический компонент. Радикальное сомнение в легитимности традиционных форм земельной собственности практически неизбежно возникает при переходе от аграрного общества с его уравнительными ценностями к индустриальному с господствующими ценностями утилитаризма, экономической эффективности и индивидуализма. Так возникает фундаментальное противоречие представлений основной массы населения о справедливости и права, фиксирующего новые формы частно-правовых экономических отношений. Конфликт свободы и равенства в подобной ситуации может обернуться предпочтением последнего первой (что и составляет основу коммунистической утопии). Роль экономической составляющей конфликта представляется явно преувеличенной в предшествующей историографии, наивно полагавшей, что с помощью расчета величины посевов или количества лошадей в крестьянском хозяйстве можно вычислить степень социального напряжения в обществе. В известном смысле экономическая детерминанта поведения такая же абстракция, как формула счастья. Она не является единой для разных эпох и стран: то, что считается богатством (и вызывает зависть) в одной системе социальных отношений оказывается едва ли не бедностью в другой (например, зажиточный крестьянин в России показался бы средним или даже бедным в Германии). Экономическая дифференциация, следовательно, становится вызовом социальной стабильности не тогда, когда она реально возникает (поскольку в той или иной форме она существовала на протяжении всей истории цивилизации), но лишь с того момента, когда начинает рассматриваться значительной частью общества как несправедливая и аморальная.

Наконец, фактор экономического угнетения может реализовать свой деструктивный потенциал лишь при одном условии – слабости государственной власти. Одни и те же формы аграрного протеста в период революции 1905–1907 гг., и в период коллективизации 1928–1933 гг., как показано в современной литературе (вплоть до сравнения на уровне отдельных деревень и даже крестьян, участвовавших в выступлениях обоих периодов), имели совершенно различные следствия: в первом случае они вели к дестабилизации политической системы, во втором – к ее укреплению⁵¹. Эксперты, анализировавшие эти события в режиме реальной времени, приходили к выводу об их взаимной обусловленности. Так, известный ученый-аграрник С.С. Маслов определял коллективизацию как «революцию наоборот», колхозы как «лагеря смерти», а их социальную функцию усматривал в стремлении государства к подавлению традиционалистски мотивированного аграрного протеста. «Колхоз, – отмечал он, – походил на крысоловку: в него попадали хозяйственно живые члены, а выбирались и выбрасывались из него только хозяйственно мертвые»⁵². Но этот путь перехода к карательным акциям означал срыв модернизации и поворот к резкой ретрадиционализации общества.

В конечном счете, на доказательном уровне остались не решены вопросы социальных и когнитивных предпосылок революции и ее сравнительного вклада в социальную трансформацию российского общества: если отказаться от парадигмы экономического материализма, то в чем следует искать причину революций; почему аграрная революция во Франции завершилась установлением частной собственности на землю, а в России ее отменой; почему русская революция завершилась не установлением «нормальной» буржуазной республики или ее бонапартистского эквивалента, а созданием нетипичного (и аномального) коллективистского режима, в чем причина того, что в России, в отличие от предшествующих западных революций, не было фазы успешной контрреволюции (в виде Реставрации), а умеренного русского Термидора пришлось ждать более 70 лет? Почему по прошествии столетия, полноценное решение аграрного вопроса в рамках приватизации земли и установления института частной собственности на нее остается фактически в замороженном состоянии? А социологи констатируют, что посткоммунистической России не удалось выйти из состояния «этократической закрепощенности» и «воспроизводства сословной иерархии в трансформированном виде»⁵³.

Наконец, почему модернизацию в России не удалось провести путем «революции сверху» вместо «революции снизу», как это стало возможным сделать в других странах XX в. и ее ожидал конвульсивный революционный срыв? Механизм процесса реформы состоял в следующем: отмена структур старого режима была проведена не через экстенсивное применение массового или военного насилия, а главным образом политическими средствами; изменения проводились не путем радикальной ломки, а в ходе последовательных и ограниченных нововведений, сочетания бюрократического контроля для отмены власти консерваторов и манипулирования умеренными элементами для обеспечения поддержки более радикальных преобразований. Реформы такого рода актуализируют проблему демократического цезаризма, в котором исследователи справедливо усматривали главное препятствие программе революционного радикализма. Бонапартизм повсюду воспринимался как альтернатива революции большевистского типа: идеологии коммунизма он противопоставлял национализм; революции – реформы сверху; классовому расколу – единство общества (на основе патриотизма); коллективизму – сохранение частной собственности; социальной анархии – сильное государство. Режимы данного типа, прообразом которых были политические системы Наполеона III, Бисмарка и Столыпина в Европе, становились реальной альтернативой стратегии Коминтерна в других регионах мира. В XX в. они были представлены Кемалем в Турции, Чан Кайши в Китае, отчасти авторитарными военными режимами в Южной Европе и Латинской Америке (при всей условности интерпретации их как бонапартистских). В данном контексте такие реформаторы как Бисмарк, а позднее В. Карранса, Кемаль показали, каким образом радикальные социальные и аграрные реформы выступают эффективной альтернативой революционной модели образца 1905 г. «Революция сверху», которую в России планировал Столыпин, может оказаться по своим последствиям гораздо более значимой, нежели революционная модель, ведущая к ретрадиционализации общества и фактически отказу от полноценной аграрной модернизации.

Закон Токвиля и русская революция: почему реформы не смогли остановить крушение Старого порядка?

Причины, по которым реформационная инициатива не смогла остановить революции в России, очень важны для ответа на поставленные вопросы и заслуживают тщательного исследования. В российской науке данное исследование находится на начальной стадии, поскольку предшествующая историография не только не искала ответы на эти вопросы, но даже не ставила их. В то же время в интернациональной литературе предложен ряд гипотез, которые целесообразно проверить на русском материале. Главная из этих гипотез формулируется современной социологией революции на основе их сравнительного изучения как «закон Токвиля». Его суть состоит в следующем: революции происходят тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, при котором, однако, ожидания продолжают расти. Продолжающийся рост завышенных ожиданий в условиях относительного спада (или стагнации) перестает соответствовать реальной ситуации в экономике и политике. Следствием становится рост недовольства (фрустрация), а основным способом ее преодоления – социальная агрессия. Этот вывод сформулирован А. Токвилем в его труде о старом порядке и революции во Франции: переход от плохого к худшему, считал он, не всегда приводит к революции; чаще всего случается, что народ, без жалоб и, как будто ничего не чувствуя, сносит самые тяжелые законы, буйно сбрасывает их, когда бремя облегчается⁵⁴. Токвиль был первым, кто заметил парадоксальную связь между ростом благосостояния и агрессивности общества, подчеркнув, что причины революции следует искать не в экономических, а скорее в информационно-когнитивных и социально-психологических параметрах модернизации. Из этого анализа следовал принципиальный вывод о возможности избежания революций в традиционном обществе в случае последовательной реализации их целей путем реформ.

В современной литературе о революциях и реформах парадигма Токвиля стала основой эмпирических исследований отдельных аграрных революций периода модернизации⁵⁵. В них, в том числе на российском материале, был построен ряд взаимосвязанных гипотез. Во-первых, разработана концепция «относительной депривации», т.е. психологического ощущения дискомфорта (социального разочарования) в условиях относительного ухудшения социально-экономического положения населения по сравнению с предшествующим периодом развития или по сравнению с другими странами. Следуя этой логике, быстрое экономическое развитие в пореформенной России, имевшее, согласно последним подсчетам, одни из самых высоких показателей темпов роста в мире⁵⁶, само становилось причиной кризиса модернизации: оно вело к социальной дифференциации и поляризации традиционного общества, достигшей высшей стадии в ходе столыпинских реформ, что в ситуации относительного экономического спада и внешних трудностей стало причиной срыва аграрных реформ.

Во-вторых, предметом анализа стал феномен завышенных ожиданий как психологическая предпосылка крушения модернизационного проекта. В основе данного явления лежит «расхождение между ценностными ожиданиями людей и их ценностными возможностями, то есть расхождение между теми благами и жизненными условиями, которыми, как им кажется, они должны обладать, с одной стороны, и теми благами и условиями, которыми, по их мнениям, они реально располагают, с другой стороны»⁵⁷. Но этот конфликт и реализуется по линии правового дуализма, т.е. столкновения позитивного права и справедливости в поземельных отношениях. В России, как и других аграрных обществах, основной предпосылкой формирования завышенных ожиданий стало представление крестьянства о несправедливости существующих правовых оснований распределения земли, представление, которое не ослабевало, но нарастало по мере юридического раскрепощения крестьянства в ходе реформ 1861 г. и особенно 1907 г. Формирование институтов гражданского общества в пореформенной России, неизбежно сталкивавшееся с ограничениями абсолютистской системы, способствовало не столько преодолению, сколько аккумуляции этих протестных настроений.

В-третьих, данный подход актуализировал изучение психологических факторов социальной агрессии и предпосылок ее выхода наружу в различных формах деструктивного (девиантного, делинквентного) или даже насильственного (криминального) поведения. Распад традиционных социальных связей, сдерживавших ранее эти формы протестного поведения в виде религиозных ценностей, общинной организации, традиционной семьи, также становился результатом содержательных процессов модернизации, одновременно готовя ресурсы традиционалистского протеста против нее – как со стороны правых, так и левых противников реформы. В результате синтеза этих двух направлений возникает феномен традиционалистского по сути протеста, облеченного при этом в утопические эсхатологически-мессианские и радикально-революционные формы. Существо их идеологии выражается понятием «бегства от свободы» – психологическим явлением ретрадиционализации в условиях разрушения традиционных институтов, привычных систем социальной и культурной адаптации индивида, крушения традиционалистской системы ценностей и быстрых социальных изменений. Основой социальной мобилизации в этих условиях становятся самые примитивные идеологические постулаты, единственным преимуществом которых является их востребованность массовым сознанием (как, например, идея «черного передела»). В крайней форме психологическая агрессия выражается в насильственных действиях революционных толп, поджигающих помещичьи усадьбы.

В-четвертых, становится возможен новый поворот в исследовании «ошибок» власти. Очевидно, что те или иные действия последней могут иметь разный эффект в различной социальной ситуации. В условиях неустойчивого равновесия и роста социальной напряженности (а именно такова была ситуация незавершенной модернизации) такое явление, как неожиданный отказ от реформ или поворот к контрреформам, является дестабилизирующим фактором, провоцирующим социальную дезориентацию и протест мыслящей части общества. Именно так, т.е. как «контрреформы», воспри-

нимался обществом резкий отказ Александра III от курса преобразований предшествующего царствования и попытка возврата к дореформенным порядкам по всем их важнейшим направлениям – в аграрных отношениях, земском самоуправлении, судебной власти, гласности и высшем образовании. С этим связано отступление от идеала Великой реформы и реставрация сословных отношений и институтов, даже полное «извращение» «Положений» 19 февраля законодательством «контрреформ»⁵⁸. Как показывает сравнительный анализ, проблема заключалась именно в системном отказе от реформ: корректировка курса модернизации может не иметь фатальных последствий и выступать как совокупность вполне инструментальных решений, если не затрагивает сути модернизации, а ограничивается, допустим, исключительно усилением авторитарных черт режима. Данная модель «направляемой демократии», реализуемая последовательно в современном Китае, способна обеспечить политическую стабильность при сохранении курса рыночных реформ в экономике, хотя, конечно, остается открытым вопрос о ее эффективности в длительной перспективе. В той игре с нулевой суммой, которая становится неизбежна в результате тотального отказа от реформ, непоследовательность и ошибки государственной власти в стратегии и технологиях преобразований выступают едва ли не главным фактором дестабилизации политической системы: колебания в проведении реформ, сворачивание реформ и политика контрреформ; деспотизм бюрократии (ошибки стратегического и тактического характера); отсутствие у самодержавия опыта действия в периоды демократизации политического режима – все это эффективно используется противниками модернизации. Ошибки власти в ситуации неустойчивого равновесия могут быть связаны с влиянием внешнего фактора – поражением в войне, которое всегда ставит вопрос о легитимности режима и возможности его свержения антисистемными силами. Успешная революция или государственный переворот становятся выражением слабости режима и его неспособности поддержать стабильность в условиях модернизации легитимными методами.

В-пятых, в ситуации острого социального конфликта принципиальное значение имеет сохранение когнитивного доминирования сторонников либерально-реформационной стратегии в обществе. Однако интеллигенция (как и бюрократия) в условиях модернизации сама перестает быть единой, включая как минимум 3 основных группы: та, которая не осознает смысла модернизации и считает ее противоречащей национальным интересам (традиционалисты-почвенники); та, которая четко осознает задачи модернизации и стремится ускорить ее развитие (либералы-западники); та, которая понимает смысл модернизации, но хочет воспользоваться порожденным ей конфликтом для разрушения политической системы и отказа от модернизации в правовых формах (левый экстремизм). Уязвимая позиция первой группы заключается в отказе от реформ, второй – в их форсировании, не считаясь с готовностью основной массы населения (однако, обвинять либералов в крушении модернизации – то же, что конструктора поезда в железнодорожной аварии). Успех модернизации возможен лишь при условии консолидированной позиции правящего класса и либеральной интеллигенции, которая существовала в период Великой реформы. Отсутствие подобной консолидации и перекрытие каналов вертикальной социальной мобильности для просвещенной части общества, как это произошло в период контрреформ, заставляет ее примкнуть к антисистемным силам, а не искать успеха в системной и легитимной деятельности (Французскую революцию, согласно известной формуле Токвиля, сделали «литераторы», русскую – адвокаты и приват-доценты). В этом контексте объясним рост политических требований интеллигенции и, в частности, ее радикального крыла: из всех стратегий решения аграрного вопроса предпочтение в конечном счете оказалось отдано наименее эффективным и наиболее утопическим (миф Французской революции и коммунизма). Большевики смогли использовать темноту и жадность крестьянства только потому, что политическая элита оказалась расколота в отношении стратегии модернизации, а государственная власть утратила существовавшие ранее действенные рычаги формирования его сознания и этических представлений.

Эти гипотезы, сформулированные в интернациональной литературе о революциях, должны быть верифицированы на российском материале с целью определения соответствия им национального опыта. Отказ от экономического детерминизма в изучении революций и реформ заставляет пересмотреть сам предмет исследования: если системный кризис самодержавия существовал, то он был кризисом сознания, а не экономики. Причина революции в таком случае – неспособность традиционалистского авторитарного режима овладеть тем процессом модернизации, который был успешно запущен либеральными реформами 60-х гг. XIX в., но не доведен до логического конца. Ситуация незавершенной модернизации есть ситуация неустойчивого равновесия, в которой традиционный политический режим оказывается (при внешней силе) чрезвычайно непрочен и легко становится жертвой внутреннего или внешнего воздействия. Это и есть именно та среда, в которой возможна (но, как было показано, не неизбежна) революция. Возможность революционного срыва превращается в действительность в результате комбинации отсталости масс, авторитаризма политической власти и экстремизма радикальной интеллигенции. Опираясь на парадигму Токвиля и соответствующую концепцию в современной историографии, можно предположить, что революция в России (как во Франции, Иране или Мексике) не являлась фатальной неизбежностью: ее можно и нужно было избежать путем эффективной реализации стратегии реформ. Практически это означало системное продолжение логики Великой реформы.

Выбор стратегии модернизации: опыт российских реформ

Осуществление модернизации путем реформ предполагает ряд составляющих: правовое разрешение социального конфликта, необходимого для поддержания легитимности, обеспечение хотя бы минимального социального консенсуса и политического контроля государства над ходом реформ (это важно для сохранения стабильности и управляемости системы), эффективные технологии реализации реформы для просчета стадий, механизмов и последствий ее реализации⁵⁹. Каким образом реформы 1860-х гг. вписываются по этим параметрам в общую историю российского реформаторства?

Крестьянская реформа, как было показано, осуществлялась в правовых формах на основе компромисса двух основных социальных слоев – крестьян и помещиков с сохранением права собственности на землю и введением особого переходного периода («выкупной операции») для этого. Столыпинская реформа, проводившаяся уже после революции 1905–1907 гг., хотя и имела меньший ресурс правовой легитимности, оспаривавшейся оппозиционными партиями, также характеризовалась подчеркнутым приоритетом к праву частной собственности, вообще стремлением создать оптимальные условия для образования нового среднего класса – мелких собственников земли, способных владеть и распоряжаться ею на коммерческой основе. В этом отношении аграрные реформы позднеимперского периода продолжали преобразования предшествующего времени (прежде всего, реформы П.Д. Киселева) и качественно отличались от последующего революционного метода разрешения аграрного вопроса, представленного национализацией земли в 1917 г., экспроприацией крестьянства в 1929 г. и решением земельного вопроса в постсоветский период в результате антикоммунистической революции (Конституция 1993 г. и принятие Земельного кодекса 2001 г.).

Поддержание социального консенсуса в ходе реформ являлось осознанным приоритетом ее инициаторов. В современной литературе о переходных периодах реконструировано 2 основных модели преобразований – модель договора и модель разрыва. Первая характеризует предварительным согласием основных политических сил – участников переходного процесса – о его целях и средствах достижения этих целей. Договорная модель выражает ситуацию существования фундаментального согласия в обществе относительно базовых ценностей конструируемой политической или социальной системы. В России некоторые аналоги этого процесса можно обнаружить в период подготовки Крестьянской реформы 1861 г., когда либеральные критики режима получили возможность участвовать в обсуждении условий реформ. Хотя

это обсуждение велось тайно (что вполне правомерно для избежания популизма) и утечка информации в прессу не допускалась, либо жестко пресекалась, были созданы информационные каналы (циркуляция различных проектов реформы в обществе до ее начала) и административные условия (Редакционные комиссии), обеспечившие необходимый альянс просвещенной бюрократии и либеральной интеллигенции, ставший опорой реформаторов и инструментом легитимации реформ, альянс, которого не удавалось обеспечить последующим реформаторам за исключением, возможно, только М.С. Горбачева. С этим связана апелляция демократической интеллигенции эпохи перестройки к опыту реформ 60-х гг. XIX в. как оптимальной модели социальных преобразований⁶⁰.

Именно реформы Александра II практически поставили проблему соотношения двух параметров модернизации: должна ли социальная (экономическая) модернизация предшествовать политической или, наоборот, последняя предшествовать первой. Существование дилеммы очень характерно для модернизации: с одной стороны, традиционное общество нельзя реформировать без изменения политической системы (создания органов самоуправления или парламента); с другой стороны, в этих новых учреждениях (при апатии, недостатке образования и консерватизме основной массы населения) могут получить преобладание консерваторы, которые стремятся остановить реформы или даже вернуться к дореформенным порядкам. Об этом красноречиво свидетельствует история представительных учреждений в России – от Уложенных комиссий XVIII в. и Редакционных комиссий периода Крестьянской реформы 1861 г. до Государственной думы и Учредительного собрания начала XX в., а от них – к Съезду народных депутатов эпохи перестройки и современным Государственным думах (крайний консерватизм некоторых из их созывов показывает, каким образом радикальная аграрная модернизация может завершиться застоєм и реставрационными настроениями). Большого результата достигли те реформаторы, которые проводили сначала социальную модернизацию, а затем политическую (Александр II, Столыпин, отчасти Ленин в период нэпа); напротив, менее успешны были те реформаторы, которые начинали с политической реформы, а затем хотели провести социальные (Екатерина II, Александр I). Этой стратегией вынужден был руководствоваться и Горбачев. Возможны, однако, различные комбинации социальных и политических реформ. В истории России, как и других стран, бывают ситуации, когда социальные реформы нельзя проводить без политических: в этом случае оказывается необходимым растянуть их во времени, как советовал царю Александру I Н.М. Карамзин, полемизируя с М.М. Сперанским; или проводить реформы поэтапно для разных социальных слоев, как первоначально планировалось упразднить крепостное право; или, соответственно, с учетом специфики разных территорий государства, как это было в ходе Крестьянской реформы 1861 г., в ходе Столыпинских реформ и отчасти при разработке правового режима реализации положений Земельного кодекса 2001 г.

Для России, огромной и разнообразной в географическом, климатическом, хозяйственном, национальном отношениях страны, существенное значение приобретает вопрос о масштабах реформы и правовых актов, которыми она вводится в действие. Должно ли это быть сделано на макроуровне (для всей страны) или предпочтительнее регулировать ситуацию на микроуровне (для отдельных территорий), путем регионального законодательства, правоприменительной практики, создания локальных систем социального контроля в виде земства, местного самоуправления и институтов административной юстиции. В ходе Великой реформы представлены оба уровня – она вводилась единовременно в масштабах всей империи Манифестом 19 февраля, но одновременно учитывала специфику регионального уровня – в «Положениях», изданных одновременно с Манифестом. В контексте крестьянской реформы территориальный аспект проблемы получил всестороннее изучение и нашел решение в административно-управленческой практике – специфике распределения земли в разных регионах с учетом их хозяйственной направленности. В последующей истории русского либерализма обе позиции – приоритеты центрального или местного уровня реформ, – были

представлены течениями конституционалистов, которые вслед за Б.Н. Чичериным добивались немедленного введения конституции после Великой реформы 1861 г., и земцев-конституционалистов, которые вслед за Кавелиным отстаивали преимущество реформирования на локальном уровне, выдвигали в качестве приоритетной идею бессословной «мелкой земской единицы». Из этого вытекали различные представления о стратегии модернизации, представленные в новейшее время проектами А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына, соотношении социальных и политических реформ, центрального и местного управления, государственной администрации и институтов местного самоуправления, темпах модернизации и даже ее результатах (например, споры по вопросу о структуре возможного российского парламента и отражении в нем местных интересов).

Типология реформационных процессов с точки зрения взаимоотношений общества и государства представлена в России тремя стратегиями: модернизация сверху (Петровские реформы, Столыпин); совместное участие общества («просвещенных классов») и государства в осуществлении программы модернизации (Великие реформы 1860-х гг.); модернизация снизу (русские революции начала XX в., которые сопровождались ретрадиционализацией общества и политической системы). Очевидны преимущества и недостатки каждого типа. В первом случае модернизация чрезвычайно эффективна в смысле мобилизации ресурсов для быстрого достижения непосредственных экономических, военных и политических задач, однако этот рывок сопровождается разрушением коммуникаций между обществом и государством, резким отделением власти от общества, что ведет к их взаимному отчуждению, а в перспективе создает основу для усиления регрессивных тенденций системы. Модернизация сверху при внешней эффективности, делавшей столь популярными реформы Петра I в мире, оказалась неспособной решить фундаментальные проблемы в длительной исторической перспективе – кризиса традиционной системы служилого государства, связанного с выходом из этой системы основной движущей силы – дворянства. Дворянство в послепетровский период сохранило и укрепило свои привилегии, собственность на землю и власть над крестьянами, что составляло суть института крепостного права, но перестало, вопреки петровской концепции, выполнять служилую функцию. Развитие кризиса служилого государства и крепостного права (выражением чего стало военно-техническое отставание от стран Запада и поражение в Крымской войне, успешно использованное сторонниками реформ для их инициирования) выдвинуло необходимость другого типа модернизации – с участием гражданского общества.

Во втором случае модернизации можно говорить об оптимальном варианте с точки зрения перспективы устойчивого развития. Имело место сбалансированное соотношение и соучастие общества и государства, как в разработке проекта, так и реализации реформы: профессиональный характер обсуждения важнейших вопросов (юридическое содержание крепостного права и основания власти помещиков над крестьянами; условия и формы освобождения – договор или указ; освобождение с землей или без земли; с сохранением правовой преемственности собственности или с отказом от нее; степени включенности государства и общества в процесс реформ; содержание переходного периода и проч.); соотношение обсуждения и принятия решений; сохранения тайны выработки условий реформы и гласности в ходе ее реализации; достигнуто было взаимодействие профессионализма и результативности. Самое важное, модернизация отношений собственности была осуществлена с сохранением правовой преемственности, что открывало путь достижению социального компромисса и легитимного разрешения противоречий.

В третьем случае популизм неизбежно выступает против профессионализма, что рискует привести к дестабилизации и крушению системы. Такое крушение системы происходило в России в начале XVII в., затем повторялось в начале и конце XX в., каждый раз сопровождаясь распадом государства. В этом случае цена модернизации оказывается слишком высокой; правовые основания для изменений отсутствуют (это

всегда «конституционная революция»), а результаты преобразований оказываются непрочными и вскоре начинают деформироваться под влиянием процессов ретрадиционализации.

Традиция и эффективность: технологии проведения реформы

Самостоятельный аспект реформационной модели модернизации традиционного общества, в отличие от революционной, состоит в направленном применении особых технологий социального конструирования, способных адаптировать рациональные инновации к уровню понимания основной массы неграмотного крестьянского населения. Нам представляется, что такие технологии были созданы именно в ходе Великой реформы и представляют несомненный интерес для современных реформаторов⁶¹. Это предполагает, во-первых, введение в общественное, в том числе крестьянское сознание новых оснований легитимации земельного права и институтов (десакрализация земли как объекта хозяйственной деятельности, распространение на нее таких понятий, как рациональность, эффективность, коммерческая ценность для полноценного включения в рыночные отношения и хозяйственный оборот). Во-вторых, использование объективного различия между формально-правовой и реальной (социологической) характеристикой традиционных институтов землевладения и землепользования. Если первая остается неизменной и тяготеет к стабильности, то вторая, напротив, подвержена живым изменениям, которые могут иметь принципиально различную направленность. Так, оказывалась возможной нестандартная юридическая трактовка института крепостного права, в ходе которой было показано, как с течением времени «неопределенная зависимость» сменилась «личным рабством», что открывало возможность обратной эволюции без изменения правовой формулы – путем интерпретации крепостного права не как личной зависимости крестьянина от помещика, а как его крепости земле. Именно эта трактовка крепостного права становилась обоснованием возможности освобождения крестьян с землей. В-третьих, разработка концепции переходного периода, необходимость которого была связана со стремлением к сохранению социальной стабильности в условиях правового дуализма – конфликтных требований права собственности дворян на землю (в силу закона) и крестьянства (в силу исторического обычая). Это решение подразумевало достижение компромисса двух сословий по вопросам землепользования, фиксируемого как договор между ними под контролем и с гарантией государства; введение промежуточных этапов реализации реформы (выкупная операция); сознательное сохранение традиционных форм землепользования (крестьянская община), не вписывающихся в классическую формулу разделения публичного и частного права; актуализацию таких мер государственно-правового регулирования, как фактическое выведение из рыночных отношений крестьянской земли, введение моратория на сделки купли-продажи и рыночного отчуждения общинной земли, использование сервитутов, сохранение волостных судов. В-четвертых, соединение усилий по проведению либеральных экономических и социальных реформ, включающих последовательное привлечение элементов гражданского общества, с противодействием революционному экстремизму на основе принципа государственной монополии на легитимное насилие – политика, выраженная в «диктатуре сердца» М.Т. Лорис-Меликова, которая является концентрированным выражением формулы авторитарной модернизации. В-пятых, решение проблемы лидерства – поддержание морального, профессионального и политического единства реформационной элиты (союза просвещенной бюрократии и либеральной интеллигенции) в расколотом обществе как необходимое условие последовательности курса преобразований и воли к их завершению. В этом отношении ключевая роль принадлежала, несомненно, царю-освободителю Александру II, великая историческая заслуга которого состоит не только в создании замысла преобразования, но прежде всего в том, что реформа вообще стала возможна и была последовательно проведена в жизнь при минимальных социальных издержках.

Великая реформа и актуальные задачи российской модернизации

В начале статьи шла речь о двух типах модернизации: первый качественно меняет ситуацию общественного сознания на когнитивно-информационном уровне, создает представление о разрыве эпох, формирует новый смысл существования, систему ценностей и стандартов общественного поведения, второй представляет собой скорее концепцию технологического рывка, реализуемую путем мобилизационной схемы общественного развития. Реформа 1861 г. и последующие либеральные преобразования, безусловно, должны быть отнесены к первому типу модернизации: за короткий по историческим меркам отрезок времени была осуществлена продуманная стратегия изменений, приведшая к отказу от предшествующей системы крепостного права и формированию основ новой, связанной с движением страны к гражданскому обществу и правовому государству. Совершенно оправданно, поэтому, история имперской России разделяется на 2 периода – дореформенный и пореформенный.

Важно, каким образом происходят в историческом процессе качественные изменения, как меняются политические структуры и социальные слои, в какой мере они способны эти изменения осознать и выстроить соответствующие долгосрочные перспективы развития. Основные сословия сложились в России под влиянием и непосредственным воздействием государства, а оно, в свою очередь, выстраивалось как система управления, функционировавшая в трудных экономических, геополитических и социокультурных условиях. В период перехода к Новому времени традиционные и функционально ориентированные социальные слои и отношения между ними стали тормозом для модернизации. Прикрепление крестьян к земле обернулось фундаментальным конфликтом общества и государства, вовлекшим в сферу деструктивного развития все социальные слои. Особый интерес в истории XIX в. представляет, поэтому, та модель выхода из кризиса, которая была реализована путем Великой реформы и осуществила в принципе эволюционный правовой переход к новому типу социальных отношений. Традиционные сословия, сложившиеся в ходе длительного развития, оказались перед лицом вызова времени, требовавшего отчетливой самоидентификации и динамического изменения. Наиболее динамичными в этой ситуации становились относительно новые социальные группы – просвещенная бюрократия, рационально мыслящие представители правящего класса и либеральная интеллигенция. Интеллигенция выступала как своего рода выражение противоречий общества и государства. Опираясь на эти силы, административный аппарат абсолютизма консолидировался, использовал управленческий опыт и подготовил обоснование реформ 1860-х гг., обеспечив механизм их реализации. В свою очередь, введение этих начал (освобождение крестьян с земельным наделом и помощью государства) оказалось ограниченным в своей динамике и немедленно повлекло за собой необходимость реформы всей политической системы абсолютистской монархии. Необходимый на исторически длительный срок консенсус общества и государства вновь разрушился. Экономическая свобода требовала политических реформ, а для их реализации был необходим этап становления гражданственности, нового отношения к собственности, труду, политической культуре. Консенсус оказался под угрозой срыва, сменяясь деструктивными и утопическими программами немедленных радикальных изменений по всему спектру социальных структур и общественных отношений.

Процессы конструктивной модернизации, остановленные или деформированные коммунистическим экспериментом XX в., не стали от этого менее актуальны. Современная дискуссия о стратегии модернизации страны ставит в принципе те же проблемы, которые решали реформаторы предшествующего времени. Это прежде всего вопрос о самом типе модернизации, которая необходима стране, а также обсуждение правовых, административных и технологических параметров ее осуществления. Отсутствие единства по этим вопросам представлено в текущих общественно-политических дебатах по проекту «Сколково» – идее создания новой рационалистической модели

экономики и общества, основанных на достижениях современного научно-технического и менеджериального прогресса. Речь идет о создании в миниатюре своеобразной утопии – нового «города солнца», что, естественно, актуализирует исторический опыт модернизации: идет ли речь о модернизации в социальном или исключительно техническом понимании, распространяется новое законодательство на всю страну или только один анклав с особой правовой зоной (нечто вроде «Немецкой слободы»), предполагается ли опора на внутренние ресурсы (эндогенная модернизация) или внешнее заимствование (экзогенная модернизация), имеется в виду долговременная стратегия или реализация очередного национального проекта с определенными фиксированными сроками, как будут решаться проблемы собственности – на основе внутреннего права или международного права и каков должен быть механизм разрешения конфликтов, возникающих на этой основе, должна ли стать мотором процесса вся активная часть общества или исключительно «просвещенная бюрократия» и привлекаемые ею «спецы», наконец, как будет выглядеть решение вопросов соотношения права и справедливости, традиции и эффективности, не приведет ли это к созданию нового правового дуализма?

Другой ряд вопросов – о реакции общества на реформы. Что делать с неизбежно сопутствующим реформам резким ростом социального расслоения и элементарной зависти, рядящейся в формы демагогического классового протеста? Как в таком случае обеспечить социальный консенсус в расколотом обществе хотя бы на те 20 лет, о которых мечтал Столыпин? Будет ли эта реформа осуществляться с подключением механизмов спонтанной саморегуляции или исключительно «сверху» в традициях российской авторитарной модернизации и не разделит ли ее результат в этом случае судьбу петровских крепостных мануфактур?

Но главный вопрос заключается в следующем: иницирует ли реформа процессы социальной и политической модернизации в направлении гражданского общества и правового государства или останвится на традиционной концепции мнимого конституционализма? Наконец, найдется ли в современном государственном аппарате слой профессиональных управленцев, способных поставить интересы государства выше стремления к материальному и карьерному благополучию? Удастся ли сохранить преемственность курса реформ или они в очередной раз станут жертвой контрреформ, осуществляемых под привычными лозунгами державности и официального патриотизма?

Исторический опыт Великой реформы и последующих либеральных преобразований чрезвычайно instructивен для решения этих вопросов. Она актуализирует такие темы, как европейский выбор и права человека, новую политическую и профессиональную этику, отказ от подозрительности, замкнутости и патриархальной неподвижности, поиск энергичных и свободных людей, опору на право и профессионализм, в целом – создание новых социальных форм свободной творческой самореализации. Важнейшая политическая составляющая успеха реформ, как показывает опыт ряда проектов (прежде всего негативный), состоит в преодолении популизма при одновременном сохранении обратных связей с мыслящей частью общества: сознательном разведении содержательных параметров реформы и ее интерпретации для неподготовленных масс населения. Попытка соединить эти 2 вида социальной активности приводит к деструктивным следствиям для самой реформы, поскольку реализация непопулярных, но необходимых реформ неизбежно вызывает протест традиционалистского населения с непредсказуемыми последствиями. Очевидна актуальность этого подхода для современности.

Для того чтобы общество смогло принять и реализовать эволюционный путь становления гражданского общества и правового государства, исторического пространства XIX–XX вв. не хватило. Возможно, более успешным окажется XXI в. Если России суждено совершить успешную модернизацию, то очевидно, что ее руководящие идеи будут опираться на достижения, опыт и результаты Великой реформы.

Примечания

- ¹ Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Ч. 1–2. СПб., 2009.
- ² Великая реформа, 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. I–VI. 1911.
- ³ Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992.
- ⁴ Общественная мысль России XVIII–начала XX века. М., 2005.
- ⁵ Крестьянская реформа в России 1861 г.: Сборник законодательных актов. М., 1954.
- ⁶ *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968; *Lincoln W.B.* The Great Reforms. DeKalb, Ill., 1990.
- ⁷ *Comtons A.J.* Legal Foundations of Capitalism. Madison, 1959. P. 50–51.
- ⁸ *Seton-Watson H.* The Russian Empire: 1801–1917. L., 1967.
- ⁹ Земское самоуправление в России 1864–1918. Т. 1–2. М., 2005. См. также: Russia: An Experiment in Local Self-Government. Cambridge, 1982.
- ¹⁰ *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. Т. 1–4. СПб., 1909–1911.
- ¹¹ *Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905.
- ¹² Судебная реформа. Т. 1–2. М., 1915.
- ¹³ *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1907.
- ¹⁴ Мелкая земская единица. СПб., 1902.
- ¹⁵ *Вишнякова Е.И.* Главный комитет и редакционные комиссии // Великая реформа... Т. IV. С. 166–194.
- ¹⁶ *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984.
- ¹⁷ *Field D.* The End of Serfdom. Cambridge (Mass.), 1976.
- ¹⁸ Конституционные проекты в России. М., 2010.
- ¹⁹ Свод аграрных программ. СПб., 1907; Программы политических партий России. Конец XIX–начало XX вв. М., 1995; Аграрный вопрос в программах политических партий России: документы и материалы. Последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. М., 2000.
- ²⁰ *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. М., 1966; *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 5–9; *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX–начала XX вв. М., 2004.
- ²¹ Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1999.
- ²² *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII–XXI века. М., 2005.
- ²³ *Rawls J.* A Theory of Justice. Revised Edition. Harvard. Univ. Press, 1999.
- ²⁴ Проект Основных положений аграрной реформы Партии народной свободы // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1997. См. также: Аграрный вопрос / Изд. П.Д. Долгорукова и П.И. Петрункевича. М., 1906–1907.
- ²⁵ *Герценштейн М.* Земельная реформа в программе партии народной свободы. М., 1906.
- ²⁶ *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. По официальным источникам. Т. I–IV. Бонн на Рейне, 1862–1868.
- ²⁷ *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1–2. М., 2000.
- ²⁸ *Ключевский В.О.* Происхождение крепостного права в России // *Ключевский В.О.* Соч. Т. 7. М., 1959. С. 317.
- ²⁹ Проекты к сочинению Нового Уложения 1754–1766 гг. и первоначальный план к сочинению Нового Уложения // Проекты уголовного уложения 1754–1766 / Под ред. А. Востокова. СПб., 1882.
- ³⁰ *Поленов А.Я.* Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России // Русский Архив. Историко-литературный сборник. М., 1865 (Год третий). С. 510–541.
- ³¹ План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М., 1905.
- ³² *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1–4. СПб., 1882.
- ³³ *Самарин Ю.Ф.* О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе // *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. 2. М., 1978.
- ³⁴ *Кавелин К.Д.* Записка об освобождении крестьян в России // *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., Т. 2. 1898.
- ³⁵ *Корнилов А.А.* Губернские дворянские комитеты 1858–1859 гг. // Великая реформа... Т. IV. С. 146–166.

³⁶ *Hare R.M.* Liberty, Equality, and Fraternity in South Africa? // *Essays on Political Morality.* Oxford, Univ. Press, 1998. P. 167–181.

³⁷ *Кабузан В.М.* Крепостное население России в XVIII–50-х годах XIX в. (численность, размещение, этнический состав). М., 1963.

³⁸ *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1–2. СПб., 1877–1879; *Леонтьев А.А.* Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914.

³⁹ Гражданское Уложение. Кн. первая. Положения общие. Проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения с объяснениями. СПб., 1903; Гражданское Уложение. Кн. третья. Вотчинное право. Проект Высочайше Утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Вторая редакция с пояснениями. СПб., 1905.

⁴⁰ *Витте С.Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905.

⁴¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991.

⁴² *Герье В.И.* Второе раскрепощение. М., 1911.

⁴³ *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of Modern World. Boston, 1967.

⁴⁴ *Wolf E.P.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y., 1969.

⁴⁵ Проект Основного закона о земле фракции социалистов-революционеров Учредительного собрания // *Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1922.* Т. 3. Ч. 2. М., 2000. Документ № 29.

⁴⁶ Коминтерн в решениях по аграрному и крестьянскому вопросу. М., 1932.

⁴⁷ *Trimberger E.K.* Revolution from Above. Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru. N.J., Transaction Books, 1978.

⁴⁸ *Ключевский В.О.* Право и факт в истории крестьянского вопроса // *Ключевский В.О.* Соч. Т. 7. С. 317.

⁴⁹ Этот вывод подтверждается рядом «круглых столов»: К 90-летию Февральской революции // *Отечественная история.* 2007. № 6; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания // Там же. 2008. № 2.

⁵⁰ *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

⁵¹ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008.

⁵² *Маслов С.С.* Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. М., 2007. С. 199, 205.

⁵³ Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009. С. 466–467.

⁵⁴ *Токвиль А., де.* Старый порядок и революция. М., 1905.

⁵⁵ *Johnson Ch.* Revolution and the Social System. Stanford, 1964.

⁵⁶ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

⁵⁷ *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. М., 2005. С.405.

⁵⁸ *Вормс А.Э.* Положения 19 февраля // *Великая реформа...* Т. VI. С. 1–53.

⁵⁹ О стратегиях аграрной модернизации в истории и современности см.: *Отечественные записки.* 2004. № 1.

⁶⁰ *Модели общественного переустройства. Россия XX в.* М., 2004.

⁶¹ *Медушевский А.Н.* Опыт Великих реформ: технология демократических реформ в переходных обществах // *Вестник Европы.* 2003. Т. IX.